

Хлестаков Иван Александрович — по оценке самого Гоголя, центральный персонаж комедии, «...молодой человек лет 23-х, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде».

Х. выходит на сцену во 2-м д. Он направляется из Петербурга, где, подобно Акакию Акакиевичу Башмачкину (повесть «Шинель»), служит переписчиком бумаг, в Саратовскую губернию, в деревню отца, недовольного карьерными неудачами сына. (Саратов в начале XIX в. — беспросветная глушь; ср. слова Фамусова в «Горе от ума»: «В деревню, в глушь, в Саратов!») По дороге, в Пензе, проигрался; теперь не имеет денег ни на дальнейший путь, ни на оплату гостиничного счета; голодает. Прибытие губернатора Сквозник-Дмухановского (явл. 8) поначалу связывает с арестом за неуплату долга. Затем (успев занять деньги у Сквозник-Дмухановского и перебравшись к нему на квартиру — д. 3, явл. 5) объясняет гостеприимство и услужливость чиновников «сентиментально» — их человечностью и обычаем привечать приезжих, показывать им «богоугодные заведения», поить их из «бутылки-толстобрюшки».

За этим (д. 4) следует череда «просительных» визитов чиновничества и купечества. У первого из визитеров, судьи Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина, Х. робко просит занять 300 руб.; у почтмейстера Ивана Кузьмича Шпекина и смотрителя училищ Луки Лукича Хлопова ту же сумму просит уже не стесняясь. У попечителя богоугодных заведений Артемия Филипповича Земляники вытягивает 400 руб.; войдя во вкус, с неслужащих — а потому вроде бы и не имеющих причины давать взятки — Бобчинского и Добчинского пытается стребовать уже 1000.

Лишь когда поток кредитоспособных просителей иссякает, Х. наконец-то догадывается, что его принимают за кого-то другого (он считает, что за генерал-губернатора). Но и тут объясняет «успех» не случайностью, а своим петербургским костюмом и обхождением. О чем спешит рассказать в письме «душе Тряпичкину», петербургскому приятелю из «сочинителей». Приняв напоследок обиженных Городничим купцов, слесаршу, мужа которой забрили в солдаты, и высеченную унтер-офицерскую вдову, Х. устает от миссии защитника униженных и окорбленных и, как бы войдя в роль взяткобрателя (до сих пор он действительно полагал, что берет «взаймы»), велит гнать взашей жалобщиков из бедного сословия.

Х. легко описывает чужие недостатки; язвительные характеристики, какие он дает чиновникам уездного города в письме к Тряпичкину, остроумны и верны. Но сознательно взглянуть на себя со стороны, оценить свое действительное положение он не в состоянии. Даже догадавшись, что невольно занял чье-то место, Х. (каким он

изображен в окончательной редакции «Ревизора») не может сообразить, что рано или поздно объявится настоящий «генерал-губернатор» (он же ревизор). Ему так хорошо быть тем, кому в своей «настоящей» жизни он обречен лишь завидовать и кем ему никогда не стать, что «делать ноги» он не спешит. В финале д. 4 Х., вместо того чтобы поспешить с отъездом, затевает двойной роман с женой и дочерью Городничего; в конце концов сватается к последней и пробуждает в Сквозник-Дмуха-новском тщетные надежды на генеральский чин. И если бы не слуга Осип, по-народному сметливый, то Х. не успел бы покинуть пределы «гостеприимного» города за несколько минут до того, как Шпекин явится с «саморазоблачительным» письмом Х. к Тряпичкину, а Жандарм объявит о том, что «Приехавший по Именному повелению из Петербурга чиновник требует» Городничего «сей же час к себе».

«Ревизор» — комедия и «лиц» и «положений»; комедийность «положений» обеспечена в ней всеобщим самообманом «лиц», а не хитроумным обманом героя-авантюриста. Неповторимость сценического амплуа Х. в том и состоит, что он — щелкопер, враль по вдохновению, а не обманщик по умыслу. Гоголь называл Х. «лицом фантазмагорическим»; но эта «фантазмагория» лишена inferнально-демонического начала. Контраст между действительным ничтожеством Х. и высокой социальной легендой о нем, которую создают чиновники и жители уездного города, «записавшие» Х. в ревизоры, питает комическую атмосферу пьесы. Этот же контраст формирует и ее скрыто-трагический подтекст — тот «светлый» смех сквозь невидимые, неведомые миру слезы, который Гоголь считал единственно положительным «лицом» комедии.

Смешно, когда Х. в явл. 5, д. 3 после «бутылки-толстобрюшки» с губернской мадерой, как бы отвечая на ожидания чиновной «публики», от реплики к реплике поднимает себя все выше и выше по иерархической лестнице и лишь изредка случайно доверяется до правды («Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель»... Что ж я вру, я и позабыл, что живу в бельэтаже»). Начав с того, что его хотели сделать коллежским асессором, продолжив тем, что «один раз» солдаты приняли его за главнокомандующего, Хл. кончает тем, что описывает явление «курьеров, курьеров, 35 000 одних курьеров» с просьбой вступить в управление департаментом — и восклицает: «Я везде, везде! Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...»

Но то, что кажется смешным, — на самом деле беспредельно трагично. Х. в отличие от чиновников, которые уверены, что «надувают» ревизора, пускают ему пыль в глаза, врет и хвастает бескорыстно, не преследуя никакой цели и попросту не помня, что он говорил вчера, час или минуту назад. Однако его вранье и хвастовство не походит и на пустую болтовню фанфарона Репетилова из «Горя от ума», или беспечно-возбужденную ложь Ноздрева из «Мертвых душ», или фантазии какого-нибудь водевильного шалуна. В том, как пьяный Х. выдумывает свою «идеальную» биографию, как строит ее из разрозненных и взаимоисключающих эпизодов, есть прямая и жесткая при всей ее бессознательности логика. Все

социальные маски, которые примеряет на себя напившийся (а значит, освободившийся от самоконтроля) Х. предельно экзотичны. Будь то «фельдмаршалство», будь то «сочинительство» (Х. с Пушкиным на дружеской ноге; он автор множества сочинений разных эпох и стилей — «Женитьбы Фигаро» Моцарта Бомарше, оперы «Роберт-дьявол» Майербера, «Фрегата «Надежда» А. А. Бестужева-Марлинского, «другого», не загоскинского «Юрия Милославского»; его псевдоним — Барон Бромбеус; он издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевого). Будь то «любовное» амплуа: объясняясь с дочерью Городничего Марьей Антоновной, Х., подобно романтическому герою-любовнику, уверяет ее: «Я могу от любви свихнуть с ума». В том фантазмагорическом мире, который создан в лживом воображении Х., раз навсегда преодолена жесткая бюрократическая «регулярность» петербургской (шире — российской) жизни. Ничтожный чиновник производится в фельдмаршалы, безликий переписчик становится известным писателем. Х., как мелкий бес, выпрыгивает из своего социального ряда и несется вверх по общественной лестнице. Если бы не цензурные «ограничители», он на фельдмаршалстве ни за что не остановился бы — непременно посягнув на «вакансию» государя, как делает это другой гоголевский чиновник, Поприщин. Поприщина освобождает от социальной скованности сумасшествие; Акакия Акакиевича Башмачкина, который заворачивается в шинель, как в царскую порфиру, — смерть; Х. освобождает его вранье. Причем освобождает не «от условий жизни», а «от самого себя» (выражение литературоведа Ю. М. Лотмана). В какой-то момент он озирается с этой немислимой высоты на себя реального и с беспредельным презрением отзывается о своем настоящем положении: «...а там уж чиновник для письма, эдакая крыса, пером только: тр, тр пошел писать».

Между тем преодолеть свой сословно-бюрократический статус, возвыситься над мелкой судьбой хотят многие герои «Ревизора». Городничий, «осчастливленный» предложением, которое делает его дочери «значительное» лицо, тут же возносится в мыслях до генеральского чина, пародийно повторяя завиральные интонации Х.: «Кавалерию повесят тебе через плечо поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: лошадей! обедаешь себе у губернатора, а там: стой, городничий! Хе-хе-хе (заливается и помирает со смеху), вот что, канальство, заманчиво!» д. 5, явл. 1). Но выше генеральства Городничий не заносится. Бобчинский, у которого к Х. одна-единственная «нижайшая просьба» («как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам если эдак и Государю придется, то скажите и Государю, что вот, мол, Ваше Императорское Величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский»), тоже, по существу, хочет «возвыситься» себя до высших чиновников империи вплоть до государя. Но поскольку он не имеет духу и беззаботности Х., чтобы лично приблизиться к престолу, хотя бы и в пространстве собственного воображения, постольку он робко умоляет «перенести» через сословные преграды хотя бы одно свое имя и освятить его ничтожное звучание «божественным» слухом государя.

Х. — во многом благодаря своей беззаботности — куда более смел, куда более масштабен, чем все остальные герои комедии; его удаль (хотя бы и «не туда», «не на

то» направленная) позволяла Гоголю с самого начала считать Х. «типом многого, разбросанного в русских характерах». В нем, в его «социальном поведении» аккумулированы, осуществлены затаенные желания чиновников уездного города; с ним связаны основные социально-психологические, философские проблемы пьесы. Это делает его сюжетным центром комедии.

Позже, в драматургической «Развязке «Ревизора» (1846), отвергнутой большинством читателей, включая актера М. С. Щепкина, выведенного в «Развязке» в качестве мудрого толкователя смысла комедии, Н. В. Гоголь «надстроит» свой сюжет аллегорией душевного города («Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе! Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас») и даст дополнительные характеристики всем персонажам, превратив их в олицетворения разных страстей человека. Мнимый ревизор Х. предстанет «ветреной светской совестью», перед которой каждый может оправдаться; ему противостоит ревизор «истинный» — «наша проснувшаяся совесть», ждущая каждого человека у дверей гроба.